

Олеся Варкентин

Олеся Варкентин родилась в 1978 г. городе Салехарде. Живёт там же. Окончила Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского по специальности «библиотекарь-библиограф». Сейчас студентка ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького», семинар «Очерки и публицистика» Ф. С. Нагимова. Работает старшим научным сотрудником музея ГАУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского».

Выпускница литературных курсов 2018 г.

Автор сборника стихов «Вдруг рождается стих...» (2009), сказочной истории «Сон Тёти Моти» (2012), серии книжек для детей «Истории про...» (2016–2021, 2023).

Публиковалась в газетах «Литературная Россия» (2023), «Полярный круг» (2023), в литературных журналах «Литературный Омск» (2014), «Северяне» (2015, 2016), в альманахе «Литературный курс» (2018-2020).

Дипломант X Международного литературного фестиваля «Петроглиф – 2023» в номинации «реалистическая проза».

Финалист Международной премии имени Юрия Левитанского в номинации «Проза» (2023).

Вершина лета

Рассказ

Мария не выходила из горницы, заперлась. Дети, Саня и Таня, долго сидели у двери и слышали, как мать сдавленно стонет. Они звали ее, стучали, но та не отпирала.

Субботний вечер. Хоть бы кто из соседей заглянул – никого. Дети же боялись темноты и вечерами из дома ни ногой. Они похлебали тюри и забрались на полати. Таня тихонько, пока не уснула, рассказывала брату сказки о местном озере Тенис, увлекаясь и придумывая все новые невероятные истории. Озеро для нее самой было чем-то манящим и загадочным.

Утром дверь в горницу была уже открыта, постель заправлена. Никого.

Скрипнула входная дверь, вошла Мария с дымящимся чугуном:

– Проснулись ужо. А я вот кашу на печурке стоговила, будете?

– Мне первому, – Саня забрался на табуретку. Еда была постной, порции маленькие, а он все время хотел есть.

Таня посмотрела на бледное лицо матери, помедлила и кивнула:

– Буду.

Половник стукнул о чугунок. Мария налила жиденькой каши в миски, поставила на стол, протерла деревянные ложки. Подала сначала сыну, погладила его по голове. Потом дочке, тоже погладила и легонько дернула за растрепанную косицу. Тане семь, но она еще не умеет заплетаться. Мария поставила плошку с земляникой:

– С молоком, – поправила салфетку. – Радость у нас.

Таня посмотрела на мать: «Вчера заперлась от нас, а ныне радость какая-то? – засветилась догадкой: – Можя, тятя письмо прислал...– и быстро заморгала, – значит, живой!».

Она глянула в окно: яркое солнце стояло над озером. «Цельный день купаться можно, – и вспомнила, как тятя говаривал: «Июль в расцвете – вершина в лете». Тане не хотелось плакать, она сморгнула слезинки и взялась за ложку.

Вдруг откуда-то послышался слабый писк.

– Котенок? Щенок! – прислушиваясь, заерзали дети.

Мария отерла руки о платье, поспешила в горницу. Дети – за ней.

На лавке, в большой плетеной корзине, прикрытой ситцевым платком, кто-то возился, кряхтел. Мать подошла, сняла платок: маленький сморщенный человечек хмурил невидимые бровки, раскрыл беззубый рот и издавал те самые звуки. Дети не мигая уставились на него.

– Братик ваш. Ночью народился.

Дети смотрели то на мать, то на братика. Таня только сейчас заметила, что пропал мамин упругий живот. Саня, хоть и был всего на пару лет младше сестры, ничего не заметил. Он протянул палец к младенцу и потрогал пуговку носа. Малыш икнул. Саня отдернул руку и заревел. Малыш закричал тоже, заплакал – напугался.

Уже неделю дети приглядывались к братишке – он то спал, то сосал титьку, то пачкал пеленки. Все эти дни стояла жара, а к воскресенью небо затянуло тугими тучами.

Вечером Мария зажгла керосинку и попросила Таню, пока сама по делам сходит, почитать письмо с фронта. «Победное», – называл его Саня и, хоть знал наизусть, любил слушать и говорил, что он «изо всех сил тятю ждет, пока тот фрицев бьет». Писал тятя о контрастном наступлении под Москвой.

Мария засобирилась на улицу. Ребятишки заметили, как она торопливо натянула большие резиновые

сапоги, надела длинный отцовский плащ, взяла тяжелую большую сумку и заспешила во двор.

Лил дождь.

– А победа...– сестра оглянулась на брата, и он тут же подхватил:

– ...все равно будет за нами!

Таня убрала письмо в стол, взяла тряпичную куклу, побаякала, глянула на Саню и, растягивая слова, стала рассказывать:

– Вчерась медеевские девчонки, и-ва-ку-и-ра-ва-ны-и, болтали...– она на минутку задумалась, стоит ли рассказывать брату, но Саня так внимательно на нее смотрел, что не удержалась и продолжила, – они сказали, что детей, особенно младенцев, завместо поросят в городе едят.

Саня тут же зажмурился и зажал ладошками уши, не желая слышать жуткие подробности. Теперь Таня и сама испугалась, что попадет от матери за то, что слушает медеевских и брата пугает. Она подседа к нему, взяла за руку:

– Са-а-ня, ну ты чего? Да брешут медеевские, верно тебе говорю, – Таня прислушалась, – А ты малыша слышишь?

Саня открыл глаза. Прислушались – не слышать братишку.

– Она его унесла. – Саня сбегал в горницу, вернулся, – Можя, догоним, попросим оставить. Я рыбачить буду – прокормимся.

Дети переглянулись и, не сговариваясь, бросились к большому окну. Таня открыла ставни, рамы со стеклом не было – выставили из-за жары. Вода стеной – ничего не разобрать. Тогда Саня подтащил табурет, и они, помогая друг другу, выбрались на улицу.

– Живее, – торопила Таня, – Мамка давно в проулок свернула.

Босые ножки зашлепали по темному проулку к деревенскому клубу. Таня поскользнулась и шлепнулась в лужу. Вскочила, отирая руки о подол:

– Мамка заруга-и-ит... Можя вернемся? – И села на завалинку.

– Не-е, догоним, – Саня шмыгнул носом и осторожно выглянул за угол. – А то с кем я рыбачить-то буду. – Он вспомнил, как утром мать говорила о малыше, пока пленала: «Опять нарыбалил».

– Слышь, кто-то жалобно пищит, – Таня поднялась и вышла из-за угла.

– Погодь, – Саня подскочил к ней. – Это же котенок во дворе!

– Ой, точно!

На небольшой площади перед клубом былолюдно. Только что закончился фильм «Александр Невский». Деревенские не спешили по домам, обсуждали картину, пересказывали фронтовые сводки, говорили о насущном, и ливень им нипочем.

– Вы тут что делаете? – схватила Таню за локоть соседка тетя Валя.

– Пустите, – вырвалась Таня, – а не то как расскажу дяде Валере, что вы опять у клуба вертитесь. – Она как-то слышала, что мать так же грозила тетке, что расскажет об этом брату.

Соседка от неожиданности всплеснула руками, а Таня отскочила в сторону.

Саня потянул сестренку за руку:

– Бежим.

Дети спрятались за трибуной, с которой обычно выступал председатель колхоза, и, притаившись на верхней ступеньке, ждали, когда стихнут голоса и все разойдутся.

Дождь не ослабевал. Густые струи глушили все деревенские звуки. Вода быстро собиралась в ручьи и струилась по склону к берегу.

Куда свернула мать, дети никак не могли сообразить. Следы ее резиновых сапог потерялись среди других следов.

– Бежим к озеру, – предложила Таня, – там дядя Валера рыбачит, у него спросим, – Таня вскочила, – а вдруг...– она сделала страшные глаза, – мамка братика, помнишь, как тех щенят, топить понесла, харчей-то не осталось.

Саня опять зажал уши и заревел.

– Да не реви ты! – Таня потянула его за руки, – бежим, можя успеем. – Они пустились по ступенькам, перепрыгнули колею, полную воды, и побежали к берегу.

Дорогу к озеру развезло. Ребята вязли в глине, падали. Высокий берег Тениса круто спускался к воде. Дети скатились с него как с горки.

На мостках, на самом краю, стояла Мария и вглядывалась в едва заметную лодку, которая качалась посреди озера.

– Мама, мамка, – закричали дети.

– А вы откуда взялись? – охнула Мария и отшатнулась от края мостков.

Ребята несмело шагнули в ее сторону.

– Мама, где он? – они смотрели на пустые руки матери. – Куда ты его дела?

Мария двинулась в их сторону, дети хором заревели и попятились. Мать всплеснула руками:

– Ой чумазы-и-и... А ну-ка, полезайте в воду. Быстро! – и улыбнулась.

Она не сердилась, наоборот, обрадовалась, что вся семья сейчас вместе. Жаль только муж Василий далеко. С октября дома не был, но пишет, что скоро вернется с победой. Обрадуется сыну. Малыш здоровенький, хоть и родился раньше срока. Так торопился, что даже соседку не успела кликнуть, но, слава богу, сама справилась.

Она завела детей в воду, стала смывать налипшую глину:

– Тритесь сами, живее. Вон уж Валерий крестника везет.

Дети замерли:

– Каво везет?

– Так братика вашего, – улыбка снова осветила ее лицо. – Имя ему сегодня дадено.

Валерий остановил лодку. Опираясь на самодельный костыль, поднялся. Осторожно опустил костыль на дно, бережно поднял из корзины и протянул Марии младенца:

– Держи, мать, мово крестника, Арсения! Дюжий парень, сразу видно на вершине лета родился – не пикнул даже, пока батюшка его в Тенис окунал! А вот мать почувал и закуксился.

Мария распахнула плащ, приняла мокрого младенца с крестиком на длинной веревочке поверх белой, до пят, рубашки с кружавчиками и прижала его к себе.

– Ну, че, мелюзга, рыбачить будем? – Валерий подхватил Саню одной рукой и усадил в лодку. – Хороший улов должен быть! – Подплыл на один взмах веслом к Тане и устроил ее рядом с братом. – Прокачу ли, че ли, их, прояснилось вроде? – сказал он Марии. – В честь Сениных крестин!

– Только мотрите мне, о крестинах никому не сказывайте, – погрозила мать детям.

Дети закивали, схватились за борта, завизжали – лодка при повороте накренилась, чуть не хлебнула воды и, медленно пройдя вдоль мостков, заскользила по озеру.

Мария посмотрела ей вслед, представляя, как давеча сошлись лодки Валерия и отца Михаила, как трепетал огонек свечи, как дождь заглушал тихую молитву. Перевела взгляд на дальний берег, где брала начало речка Оша. И вдруг там, над речкой, что-то блеснуло: то ли звезда, то ли маковка разрушенной еще до войны церквушки.

Трижды перекрестилась и осторожно пошла по скользкому склону берега. Сеня притих под плащом, уснул. Мария поднялась на вершину склона, чтобы хорошо видеть детей.

На горизонте тусклой желтой полоской медленно догорал июльский вечер.